

ИСТОРИЯ

Максим Николаевич ШЕВЧЕНКО¹

УДК 94(47)«13/14»

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙНЫХ ОСНОВ ВЛАСТИ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ (КОНЕЦ XIV — НАЧАЛО XV В.)

¹ кандидат исторических наук, преподаватель,
Омская духовная семинария Омской епархии
Русской православной церкви (Московского патриархата)
maxsh1978@yandex.ru

Аннотация

Цель настоящего исследования состоит в раскрытии механизмов репрезентации властных амбиций московских князей на страницах произведений древнерусской литературы конца XIV — начала XV в. Для достижения данной цели в статье выявляется специфика и обусловленность структурных элементов текстовой композиции сочинений; раскрываются смысловые значения ключевых компонентов образа московских государей; устанавливается направленность и характер действия применяемых в литературе Древней Руси указанного периода инструментов, ориентированных на формирование уникального образа власти. В работе используются историко-генетический и сравнительно-исторический методы исследования. Делаются выводы о том, что литература Древней Руси выступала формой ретрансляции на массовое сознание образа власти московских князей, посредством которой подробно раскрывались незыблемые основы единовластия, истолковывались вопросы происхождения и прерогатив властных полномочий московской династии. Репрезентация неповторимого образа власти на страницах сочинений древнерусской литературы в указанный период основывалась на целом ряде смыслообразующих компонентов, среди которых ключевыми являлись: определение

Цитирование: Шевченко М. Н. Формирование идейных основ власти московских князей (конец XIV — начало XV в.) / М. Н. Шевченко // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 4. С. 180-192.
DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-180-192

суверенного статуса московских государей; фиксация династической и политической преемственности по отношению к владими́ро-суздальской и киевской религиозно-политической традиции; закрепление общерусского значения московских князей в титулярном элементе «всёя Руси» и др. Различные конфигурации перечисленных элементов работали на формирование образа московских князей в качестве единственно легитимных политических и церковно-религиозных лидеров древнерусского общества.

Ключевые слова

Древнерусская литература, механизмы репрезентации власти, идеология, монархия, князь Дмитрий Иванович, князь Василий Дмитриевич.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-180-192

Введение

Проблеме генезиса и эволюции древнерусских учений о царской власти посвящено значительное количество исследований в отечественной и зарубежной историографии. Среди трудов XIX столетия, как правило, выделяют работы В. С. Иконникова, М. А. Дьяконова, В. В. Сокольского, П. Н. Милюкова, А. Н. Пыпина, В. Н. Малинина, И. П. Хрущова, В. И. Жмакина, И. Н. Жданова, В. И. Саввы, Л. Н. Майкова, В. Е. Вальденберга и др.

В советской исторической науке 1920-х — начала 1980-х гг. (согласно новейшей точке зрения указанный период охватывает четыре историографических этапа [7, с. 333]) сформировалась плеяда выдающихся ученых. Особый интерес в свете нашей проблемы представляют исследования В. Ф. Ржиги, В. П. Адриановой-Перетц, А. А. Зимина, И. У. Будовница, Н. А. Казаковой, Я. С. Лурье, Д. С. Лихачёва, Г. Н. Моисеевой, Ю. К. Бегунова, Р. П. Дмитриевой, А. И. Клибанова, А. И. Иванова, А. Л. Гольдберга и др.

Значимым вкладом в историографию проблемы стали сочинения таких представителей русского зарубежья, как М. В. Зызыкин, Е. Ф. Шмурло, прот. Г. Флоровский, А. В. Карташев, прот. А. Шмеман, Г. В. Вернадский, прот. И. Мейендорф.

В отечественной историографии второй половины 1980-ых — 1990-х гг. оформились тенденции, которые продолжают определять развитие современной российской исторической науки. Среди работ данного периода выделим исследования Н. И. Сеницыной, Г. М. Прохорова, Я. Н. Щапова, Р. Г. Скрынникова, Ю. Г. Алексеева, Е. В. Беляковой, Л. Е. Морозовой, А. И. Плигузова, А. М. Панченко, Б. А. Успенского, Б. Н. Флоря, А. А. Горского, А. И. Филюшкина, А. В. Каравашкина, В. В. Милькова, А. И. Алексеева, О. Ф. Кудрявцева и др.

Важную лепту в изучение темы внесли представители зарубежной историографии — Х. Шедер, Д. Стремоухов, У. Медлин, К. Туманов, Н. Андреева, Ф. Кэмпфер, Э. Хёш, П. Ниче, Д. Роуланд, Д. Островский, Л. Штайндорф, Г. Подскальски.

Большой популярностью среди современных ученых пользуется методология исторической «школы Анналов», московско-тартуской семиотической школы и постмодернистской философии науки. Демократичность методологи-

ческой ситуации в современной гуманитаристике позволяет рассматривать уже известные проблемы в недоступных ранее ракурсах [1, 2, 3, 14].

Несмотря на значительное количество трудов, посвященных заявленной теме, продолжает оставаться актуальным вопрос о формах и средствах репрезентации идей, смыслов, содержащихся в учениях о царской власти.

Цель настоящего исследования состоит в раскрытии механизмов репрезентации властных амбиций московских князей на страницах произведений древнерусской литературы конца XIV — начала XV в. Для достижения данной цели в статье выявляется специфика и обусловленность структурных элементов текстовой композиции сочинений; раскрываются смысловые значения ключевых компонентов образа московских государей; устанавливается направленность и характер действия применяемых в литературе Древней Руси указанного периода инструментов, ориентированных на формирование уникального образа власти.

Основная часть

К концу XIV в. Московские князья в борьбе за великое княжество Владимирское смогли достичь значительных успехов:

- сломить сопротивление нижегородско-суздальских князей и оттеснить тверских князей;
- отразить натиск великого князя Литовского Ольгерда;
- одержать сокрушительные победы над мурзой Бегича на р. Воже в 1378 г. и над темником Мамаем на Куликовом поле в 1380 г.;
- решить династический конфликт с двоюродным братом Дмитрия Донского Серпуховским князем Владимиром Андреевичем Храбрым;
- создать в условиях ордынской вассальной зависимости прецедент передачи прав на владение титулом великого князя Владимирского по линии отец-сын;
- подчинить московским князьям ряд территорий, среди которых были Переяславль-Залесский, Галич, Белоозеро, Углич, Дмитров, Нижегородское, Муромское, Тарусское княжества, Мещера и др.

Масштабные перемены на Руси второй половины XIV в. были во многом обусловлены грандиозными государственно-политическими и церковно-религиозными изменениями, охватившими Золотую Орду и Балканский полуостров. В 1328 г. Иван Данилович Калита получил ярлык на великое княжение Владимирское, Москва стала опорой ханов в землях Северо-Восточной Руси. В том же году митрополит Феогност окончательно перенес резиденцию («седалище») митрополитов Киевских и всея Руси в Москву. По-видимому, в то же самое время византийский император Иоанн VI Кантакузин сделал ставку на Московское княжество. В 1347 г. царь, а вслед за монархом и Константинопольский патриарх Исидор санкционировали своими грамотами перенос митрополичьей кафедры из Киева во Владимир [11, стб. 14-40]. В 1354 г. в митрополиты Киевские и всея Руси был поставлен представитель московской боярской фамилии Алексей (Елевферий Бяконт). В византийских грамотах данного периода московские князья титуловались как «великий король всея Руси» или как «великий король Московский и всея Руси» [13, с. 142].

Вступление империи Батые в затяжную полосу политического кризиса после смерти хана Бердибека в 1359 г., покорение в 70-х гг. XIV в. всех «православных царств» Балканского полуострова турками-османами способствовали стремительному росту церковно-политического значения Московского княжества.

Политические успехи русских князей под знаменами московских государей легли в основу подъема национального самосознания [12, 15]. В этой связи был написан ряд сочинений, в которых прославлялась сила русского оружия и доблесть участников тех эпохальных событий. Теоретики московской государственности, используя благоприятные условия «текущего момента», в оригинальной интерпретации, подчеркивая значение и достоинство московских князей, постулировали ответы на такие важнейшие для современников вопросы, как объединение русских земель, борьба с ордынским владычеством, суверенитет, единство Русской церкви и укрепление основ русской церковной организации. Новые ментальные установки на властные прерогативы и полномочия московских государей предстояло укоренить в сознании современников.

Первые шаги в данном направлении можно наблюдать в «Задонщине». В тексте произведения едва ли не впервые во второй половине XIV в. фиксируется родственная связь-преемственность между московскими и киевскими князьями: великий князь Дмитрий Иванович и его двоюродный брат князь Владимир Андреевич Храбрый названы потомками «святого великого князя Владимира Киевского». В тексте степень родства определена по линии прадед-правнуки [4, с. 34]. Постулируемая политическая и церковно-религиозная преемственность Москвы и Киева в условиях средневековой правовой культуры выступала непререкаемым аргументом для подтверждения политических притязаний московских государей. Наличие указанной доминанты в теоретических построениях московских книжников позволяет современным исследователям допускать весьма дискуссионные утверждения о том, что «Москва... стала рассматриваться в первую очередь не как наследница великих империй („царств“) мировой истории, а как преемница Киевской Руси, истоки которой книжники связывали еще с апостольской эпохой» [16, с. 69-87].

В тексте «Задонщины» Московское княжество репрезентировано в качестве политического и церковно-религиозного центра русских земель:

- перед походом на р. Дон к Москве стекаются вооруженные силы русских земель [4, с. 35];
- русские воины под предводительством Дмитрия Донского бьются с Мамаем «за землю за Русскую и за веру христианскую» [4, с. 35].

Победа русского оружия представлена в качестве величайшего события. Вести об успехе на Куликовом поле распространились далеко за пределы русских земель и достигли Дербента, Рима, геноуэзской колонии Кафы, Тырново, Константинополя [4, с. 37].

Более четкие контуры новой идеологии власти московских князей просматриваются в «Слове о житии и преставлении великого князя Димитрия Ивановича, царя русского», «Повести о Темир-Аксаке», отчасти в «Сказании о шестивии Едигея».

Так же как и в «Задонщине», в «Слове» важное место отводится великому князю Киевскому Владимиру Святославовичу. В сочинении дается довольно подробная церковно-религиозная и политическая характеристика значения фигуры Киевского князя в историко-культурном масштабе. Древнерусский правитель именуется представителем богоустановленной династии, провозглашается суверенным государем, царем. Крещение Руси рассматривается в качестве начала нового этапа древнерусской истории.

Тема генеалогии московских князей раскрыта значительно деликатнее, нежели в «Задонщине». Дмитрий Иванович напрямую не связан родственными узами с князем Владимиром. В «Слове» легитимность династической, а следовательно, и политической преемственности по отношению к киевской и владими́ро-суздальской эпохе, символизирующей государственно-политическое единство, обозначена через родственную связь Ивана Даниловича Калиты и Владимира равноапостольного. На данном этапе формирования идейных основ власти родственные отношения выражены с помощью метафоры: «корене святого и Богом насажденного саду, отрасль благоплодна и цвет прекрасный царя Владимира» [8, с. 351]. Свет богоустановленного рода Рюриковичей распространяется на московских князей. Появление в легендарно-исторической генеалогии промежуточных звеньев между государем-современником и киевскими князьями, на наш взгляд, свидетельствует в пользу осознания московскими книжниками всей деликатности династических коллизий в борьбе за титул великого князя Владимирского.

На положении о династической преемственности московских и киевских князей основывается ряд утверждений, которые можно назвать «программными тезисами» московского княжеского дома. Во-первых, формулируется претензия на владение всеми русскими землями: «воспринял скипетр державы земли Русской». Во-вторых, заявляется об исключительном церковно-религиозном значении православной Руси: «скипетр... земли Русской, престол земного царства». В-третьих, определяется юридический статус великого княжества Владимирского в качестве наследственного владения московских Рюриковичей: «и приемлет отчину свою, великое княжение». В-четвертых, постулируется право наследования Василием Дмитриевичем титула великого князя в качестве суверенного, независимого от воли иных монархов, ниспосланного исключительно по «божьей воле» [8, с. 351-352].

Для обоснования церковно-государственных притязаний московских князей помимо генеалогической линии, обладавшей невысокой степенью очевидности, в произведении применяется прием «уравнивания» по личным заслугам и достоинствам князя-современника с выдающейся исторической фигурой прошлого. Указанный способ аргументации прорабатывается в «Слове» по двум направлениям. Во-первых, на страницах сочинения образ Дмитрия Донского представляется в качестве монарха, обладающего высокой степенью духовно-нравственной чистоты. Княжение Московского государя характеризуется посредством новозаветной терминологии. Так, указывается, что Дмитрий Ивано-

вич правил «царством» словно «крепкий кормчий», отличался дальновидностью, сравнимой с пророческой прозорливостью, стоящей на страже «Божия смотра» [8, с. 351-352]. Благодаря безупречной нравственности князь Дмитрий выступал в качестве примера для подданных, а также был наделен правом исправлять любые заблуждения [8, с. 355]. Во-вторых, согласно произведению, значение и слава деяний Дмитрия Донского достигли тех же высот и величин, что и слава заслуг великого князя Киевского Владимира. В дни правления Дмитрия Ивановича Московское княжество стало тем, чем являлась «земля обетованная» для евреев [8, с. 353], — местом спокойствия и процветания древнерусского общества и православного христианства. В этой связи в произведении князь Дмитрий неоднократно именуется «великим царем» и «господином» Русской земли, а его владения — «царством» [8, с. 353, 355, 359, 360, 364, 366]. Согласно замыслу сочинения, в отличие от многих государей, которые были лишь по имени царями, князь Дмитрий стал истинным царем. Восприняв Богом дарованную власть, Московский князь смог создать «великое царство» и продемонстрировать «величие престола земли Русской» [8, с. 362-363].

В титуле «царь» выражен ряд смыслов, один из которых подразумевает политический суверенитет. Вместе с тем в «царском» титуле Дмитрия Ивановича делается акцент на защитной функции: московские князья ограждают население и православие русских земель от татарских разорений [8, с. 354].

Столкновение князя Дмитрия и темника Мамаю изображено в контексте противостояния православного христианства и мусульманского мира. В этом сюжете угадывается стремление примерить на московских князей лавры византийских императоров, возглавлявших борьбу христианских государей против мусульман. Указанные приемы наделяли великого князя Дмитрия Донского чертами библейских царей и уподобляли великим христианским правителям.

В соответствии с авторским замыслом многочисленные заслуги государя имели непреходящее значение — успение князя Дмитрия изображено в качестве трагедии, оно определяется автором не иначе, как «день тьмы и мрака, беды и печали, день гибели» [8, с. 360]. Сравнивая на страницах «Слова» величие Дмитрия Донского с заслугами монархов прошлого, автор отдает предпочтение князю-современнику. Если Константину Великому благодарение возносила «греческая земля», Владимиру Святославовичу — «земля Киевская с окрестными городами», то великого князя Дмитрия восхваляет вся «Русская земля» на языках многих народов [8, с. 366].

Необходимо обратить внимание на то, что в произведении, носящем панегирический характер, помещен значительный фрагмент из Духовной грамоты Дмитрия Донского, согласно которому князь передал в наследство своему сыну Василию великое княжество Владимирское на том основании, что последнее являлось «столом отца его, деда и прадеда» [8, с. 358; 6, с. 34]. На наш взгляд, автор целенаправленно использует прием «смещения жанров» для создания целостной идейной конструкции власти московских князей. Исторические, легендарные и мифические сюжеты переплетались с реальностью современной автору

эпохи. Тем самым констатировалась приемственность традиции, новое объявлялось частью отеческого наследия. Новизна становилась нормой и получала «прописку» в государственной, церковной, повседневной жизни текущего периода. Легитимность нововведений обосновывалась понятиями церковно-религиозного арсенала: «по божьей воле» и «в соответствии со святоотеческой традицией». Так в дискурс власти московских князей была введена «царская» тема.

В «Повести о Темир-Аксаке», относящейся к жанру «воинских повестей», нашли отражение многие из тех сюжетов, что были рассмотрены ранее в «Задонщине» и «Слове о житии и преставлении великого князя Димитрия Ивановича, царя русского». На страницах сочинения затронута проблема суверенитета, вопрос взаимоотношений Руси и Орды, тема противостояния православных христиан и мусульман, а также сформулирован взгляд на субординацию в церковно-государственных отношениях.

В тексте произведения характеристика монархов-современников становится все ближе к политическим и дипломатическим реалиям. Так, азиатские монархи, Тохтамыш и Тамерлан, именуется в «Повести» царями. Власть первого над Русью признается легитимной, статус последнего определен словами «не цесарского рода, хищник и грабежник» [10, с. 124]. На фоне азиатских царей князь Василий Дмитриевич именуется только как «...благоверный и христоробивый великий князь Василий Дмитриевич, самодержец Русской земли...» [10, с. 124-125]. В «Повести» акцент перенесен с титула «царь» на титул «самодержец». В рассматриваемый период оба титула в первую очередь символизировали политический суверенитет. В «Повести», так же как и в прежде рассмотренных сочинениях, князья-современники связаны с владими́ро-суздальской и киевской традицией через фигуру великого князя Владимирского Ивана Даниловича. Московские князья были репрезентированы в качестве полноправных наследников киевской, а затем и владимирской государственности.

Мнение о возможности одновременного существования нескольких царей, в том числе неправославных, получило широкое распространение в литературе Древней Руси. Пожалуй, указанную точку зрения можно рассматривать в качестве красноречивого ответа на византийскую концепцию о единственном православном царе, изложенную Константинопольским патриархом Антонием IV в послании к великому князю Василию Дмитриевичу. Сущность византийских взглядов о православном царе можно выразить следующей цитатой из послания патриарха: «царь ... помазуется великимъ миромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, то есть всехъ христианъ. На всякомъ месте, где только именуются христиане, имя царя поминается всеми патриархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имеетъ никто изъ прочихъ князей... Невозможно христианамъ иметь церковь, но не иметь царя. Если и некоторые другие изъ христиан присваивали себе имя царя, то все эти примеры суть нечто противуестественное, противузаконное, более дело тирании и насилия (нежели – права)» [11, стб. 272-276]. По-видимому, на рубеже XIV — XV вв. московские государи уже не разделяли изложенный Константинопольским патриархом взгляд на сущность царской власти.

Представленный в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» образ московских князей — христианских царей, сражающихся с «агарянами» за историческую судьбу православной церкви, нашел отражение и в «Повести о Темир-Аксаке» [10, с. 125].

Наметившееся с 1380-х гг. изменение характера церковно-государственных отношений находит отражение на полях сочинения. Едва ли не впервые в «Повести» появляется обращение от лица Московского князя к митрополиту в форме «от господина своего». В данном эпизоде В. П. Гребенюк находит возможность видеть утверждение идеи единовластия великого князя [5, с. 346]. По нашему мнению, отношения светской и духовной власти в тексте определены полнее. В произведении содержится обращение к митрополиту как «ко отцу своему» [10, с. 125], так и «от господина своего» [10, с. 126]. Вероятно, появление новой формы обращения князя к митрополиту должно свидетельствовать в пользу изменений взглядов на роль монарха в церковно-государственных отношениях. На наш взгляд, данное обращение призвано определить важное место государя-мирянина в Церкви, но при этом сохранить традиционное представление о важном значении власти Первосвященника в общественных отношениях Древней Руси. На данном этапе едва ли следует вести речь об утверждении ярко выраженной субординации в отношениях между московскими князьями и митрополитами.

Для создания уникального церковно-государственного образа Москвы в произведении используется «тема Иерусалима», которая в настоящем контексте появляется, пожалуй, впервые. По инициативе великого князя, заступничеством Богородицы и святителя Петра, «боголюбивого угодника», Москва избавлена от полчищ Тимура, так же как когда-то Иерусалим был спасен от разграбления Сеннахирима, царя Ассирийского, молитвой к Богу библейского царя Иезекииля и пророка Исаяи (4 Цар. 19) [10, с. 127]. Тем самым с Москвой связывается восстанавливающая, объединяющая, преобразующая и одновременно сакральная сила древнерусской истории.

В «Сказании о нашествии Едигея» продолжает раскрываться тема владими́ро-суздальского наследия. Изменившаяся роль Москвы показана через идеологию единства Руси, которая раскрывается в виде союза русских земель под знаменами московских государей. В сочинении московские правители носят титул великих князей владимирских и всея Руси, независимо от пожеланий ордынских ханов, по праву «божьей воли» и родительскому благословению. Согласно произведению, город Владимир назван «столицей русской земли, матерью городов». Данный тезис аргументируется тем, что во Владимире русские князья принимают престол земли Русской, а Владимирский соборный храм Успения Богородицы представляет собой честь и славу христиан, живущих во всей вселенной, источник и «корень русского благочестия» [9, с. 157].

Так же как и в «Повести», в «Сказании» по отношению к московским князьям употребляется титул «самодержец» и не используется титул «царь». Князь Василий Дмитриевич именуется «боголюбивый и православный самодержец»,

владеющий русским престолом. Правление Василия I характеризуется как время политического и церковного процветания [9, с. 155].

В целом к концу XIV в. московские князья были репрезентированы как приемники владими́ро-суздальской и киевской политической традиции. Все чаще с ними стали соотносить представление о политическом единстве и независимости русских земель.

Заключение

Сказанное позволяет утверждать, что формирование неповторимого облика московской монархии на страницах сочинений древнерусской литературы в конце XIV — начале XV в. основывалось на целом ряде смыслообразующих компонентов. В той или иной степени обязательными элементами произведений являлись:

- определение суверенного статуса московских государей, которое передавалось через титулы «царь» и / или «самодержец»;
- фиксация династической и политической преемственности по отношению к владими́ро-суздальскому и киевскому периоду древнерусской истории посредством фигуры князя Ивана Даниловича Московского и Владимира Святославовича Киевского;
- закрепление общерусского значения московских князей в титулярном элементе «всея Руси», в силуэте командующего объединенными войсками русских княжеств на поле брани, в образе Московского князя — защитника православия русских земель и освободителя древнерусского общества от ордынского ига;
- локализация в лице московских князей образа силы, объединяющей и сплачивающей различные русские земли и ветви Рюриковичей.

Различные конфигурации перечисленных компонентов работали на формирование уникального образа московских князей в качестве единственно легитимных политических и церковно-религиозных лидеров древнерусского общества.

В рассматриваемом нами ракурсе литература Древней Руси выступала формой ретрансляции на массовое сознание образа власти московских князей, посредством которой подробно раскрывались незыблемые основы единовластия, истолковывались вопросы происхождения и прерогатив властных полномочий московской династии. С помощью литературы княжеской власти придавались сакраментальные черты, устанавливалась тесная связь между традицией и современностью, формировался величественный облик Московской монархии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауэр Е. А. Идея «Москва — третий Рим» в русской общественной мысли конца XV — начала XVII в.: отечественная историография XX столетия: монография / Е. А. Бауэр. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. 127 с.

2. Винокуров Д. А. Иосиф Волоцкий в отечественной историографии XIX — XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. А. Винокуров. Казань, 2012. 27 с.
3. Витлин В. Э. Концепция великокняжеской власти в русской публицистике первой трети XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Э. Витлин. СПб., 2017. 22 с.
4. Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 359 с.
5. Гребенюк В. П. Святитель и князь. К вопросу о роли митрополита Киприана и великого князя Василия Дмитриевича в событиях 1395 г. / В. П. Гребенюк // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. L. 863 с.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. / подготовка к печати Л. В. Черепнин; под ред. С. В. Бахрушина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.
7. Историография истории России: учеб. пособие для бакалавров / А. А. Чернобаев и др.; под ред. А. А. Чернобаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. 552 с.
8. Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. 536 с.
9. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1913. Т. XVIII. 321 с.
10. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. Т. VI. 358 с.
11. Русская историческая библиотека. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1880. Т. VI. Ч. I. 673 с.
12. Сказания и повести о куликовской битве / отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л.: Наука, 1982. 424 с.
13. Соловьёв А. В. Византийское имя России / А. В. Соловьёв // Византийский временник. Т. XII. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 360 с.
14. Стадников А. В. Взаимоотношения государства, церкви и общества в русской политической и правовой мысли второй половины XIV — первой половины XVII веков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Стадников. М., 2007. 43 с.
15. Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. Т. XXXIV. 413 с.
16. Усачёв А. С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) / А. С. Усачёв // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69-87.

Maksim N. SHEVCHENKO¹

UDC 94(47)“13/14”

**FORMATION OF THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS
OF THE MOSCOW PRINCES' POWER
(THE END OF THE 14TH — THE BEGINNING
OF THE 15TH CENTURIES)**

¹ Cand. Sci. (Hist.), Lecturer, Omsk Theological Seminary
of the Omsk Diocese of the Russian Orthodox Church
(Moscow Patriarchate)
maxsh1978@yandex.ru

Abstract

This study aims to discover the mechanisms of representation of the power ambitions of the Moscow princes in the Old Russian literature of the end at the 14th — beginning of the 15th centuries. To achieve this goal, the article identifies the specificity and conditionality of the structural elements of the works' text composition; reveals the semantic meanings of the key components of the Moscow sovereigns' image; and determines the direction and nature of actions of the tools used in the literature of Ancient Rus of the specified period and focused on the formation of a unique image of power. Historical-genetic and comparative-historical research methods are used in the work.

The author concludes that the literature of Ancient Rus was a form of retransmission of the power image of the Moscow princes to the mass consciousness, through which the unshakable foundations of autocracy were revealed in detail, and the questions of origin and prerogatives of the authority of the Moscow dynasty were explained. Representation of the unique image of power in the works of Old Russian literature during the specified period was based on a number of semantic components, among which the key ones included determination of the sovereign status of Moscow rulers; fixing the dynastic and political continuity in relation to the Vladimir-Suzdal and Kiev religious and political traditions; and consolidation of the all-Russian significance of the Moscow princes in the titular element of “All Russia”, among

Citation: Shevchenko M. N. 2018 “Formation of the Ideological Foundations of the Moscow Princes' Power (The End of the 14th — the Beginning of the 15th Centuries)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 4, pp. 180-192.
DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-180-192

others. The various configurations of these elements worked to form the image of the Moscow princes as the only legitimate political and church-religious leaders of the Old Russian society.

Keywords

Old Russian literature, mechanisms of power representation, ideology, monarchy, Prince Dmitry Ivanovich, Prince Vasily Dmitrievich.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-180-192

REFERENCES

1. Bauer E. A. 2011. Ideya "Moskva – tretiy Rim" v russkoy obshchestvennoy mysli kontsa XV — nachala XVII vv.: otechestvennaya istoriografiya XX stoletiya: Monografiya [The Idea "Moscow is the Third Rome" in Russian Social Thought of the End of the 15th — The Beginning of the 17th Centuries: Russian Historiography of the 20th Century: Monograph]. Nizhnevartovsk: The Bulletin of Nizhnevartovsk State University.
2. Vinokurov D. A. 2012. "Iosif Volotskiy v otechestvennoy istoriografii XIX-XX vv." [Joseph Volotsky in Russian Historiography of the 19th-20th Centuries.]. Cand. Sci. (Hist.) diss. abstract. Kazan.
3. Vitlin V. E. 2017. "Kontseptsiya velikoknyazheskoy vlasti v russkoy publitsistike pervoy treti XVI v." [The Concept of the Grand-Ducal Power in the Russian Journalism of the First Third of the 16th Century]. Cand. Sci. (Hist.) diss. abstract. Saint Petersburg.
4. Adrianova-Peretts V. P. (ed.). 1949. Voinskiye povesti Drevney Rusi [Military Tales of Ancient Rus]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Science.
5. Grebenyuk V. P. 1996. "Svyatitel' i knyaz'. K voprosu o roli mitropolita Kipriana i velikogo knyazya Vasiliya Dmitriyevicha v sobytiyakh 1395 g." [Prelate and Prince. On the role of Metropolitan Cyprian and Grand Prince Vasily Dmitrievich in the Events of 1395]. Trudy Otdela drevnerusskoy literatury, vol. 50. Saint Petersburg.
6. Cherepnin L. V., Bakhrushin S. V. (eds.). 1950. Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV-XVI vv. [Spiritual and Treaty Documents of the Great and Appanage Princes of the 14th-16th Centuries]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Science.
7. Chernobaev A. A. (ed.) et al. 2014. Istoriografiya istorii Rossii: ucheb. posobiye dlya bakalavrov [Historiography of the History of Russia: Manual for Bachelors]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
8. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles]. 1925. Vol. 4, part 1, no 2. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Science.
9. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles]. 1913. Vol. 18. Saint Petersburg: Printing House of M. A. Aleksandrov.
10. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles]. 1853. Vol. 6. Saint Petersburg: Printing House of Edward Pratz.
11. Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. 1880. Vol. 6, part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial AS.
12. Likhachev D. S. (ed.). 1982. Skazaniya i povesti o kulikovskoy bitve [Tales and Stories About the Kulikov Battle]. Leningrad: Nauka.

13. Solovyev A. V. 1957. "Vizantiyskoye imya Rossii" [Byzantine Name of Russia]. In: Vizantiyskiy vremennik, vol. 12. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Science.
14. Stadnikov A. V. 2007. Vzaimootnosheniya gosudarstva, tserkvi i obshchestva v russkoy politicheskoy i pravovoy mysli vtoroy poloviny XIV — pervoy poloviny XVII vekov [The Relationship of the State, Church, and Society in the Russian Political and Legal Thought of the Second Half of the 14th — The First Half of the 17th Centuries]. Dr. Sci. (Jur.) diss. abstract. Moscow.
15. Nauka. 1979. Trudy Otdela drevnerusskoj literatury' [Proceedings of the Department of the Old Russian Literature], vol. 34. Leningrad: Nauka.
16. Usachev A. S. 2012. "Tretiy Rim' ili 'Tretiy Kiyev'?" (Moskovskoye tsarstvo XVI veka v vospriyatii sovremennikov) ["The Third Rome" or "The Third Kiev"? (Czardom of Moscow of the 16th Century in the Perception of the Contemporaries)]. Obshchestvennyye nauki i sovremennost', no 1, pp. 69-87.